

*Жумагулов М.Д.***КАЗАК МАДАНИЯТЫНЫН СОЦИАЛДЫК-ТАРЫХЫЙ ДИНАМИКАСЫ
СИНЕРГЕТИКАЛЫК МАМИЛЕНИН РАКУРСУНДА***Жумагулов М.Д.***СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В РАКУРСЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА***M.D. Zhumagulov***SOCIO-HISTORICAL DYNAMICS OF THE KAZAKH CULTURE
AS A SYNERGISTIC APPROACH**

УДК: 304.2.442 (574)

Мақалада қазақ дәстүрлі қоғамы мен оның мәдениетінің қалыптасуы мен дамуы тарихын тарихи-әлеуметтік үдерістерді талдаудың синергетикалық әдіснамасын қолданудың жолымен ой елегінен өткізуге талпыныс жасалған. Автордың ойынша, қазақы мәдени-өркениеттік болмыстың тарихи-әлеуметтік динамикасының кейбір даулы мәселелерін осы жолда жаңаша шешу мүмкіндігі бар. Ол сонымен бірге бұлайша қарастырудың дұрыс-бұрыстығына мән беріп синергетикалық елестетімдерді орынсыз қолданудың редукционистік салдары болуы әбден мүмкін екендігін де ескертеді. Сондықтан ол ең алдымен қазақ мәдениетінің тарихи-әлеуметтік динамикасын көптеген байланыс параметрлері бар, хаос пен тәртіп алмақезек орын ауысатын, өздігінен ұйымдасатын ашық жүйе ретінде талдауға синергетикалық әдіснаманы қолдануға болатындығын негіздеуге ұмтылады. Территорияның кеңдігі, көшпенді өмір салты, кеңістік пен уақыттың өзіндік ұйысуы, табиғи-климаттық жағдаяттың қатаңдығы, мал шаруашылығының қиыншылығы, ішкі руаралық және жезаралық, сондай-ақ сыртқы бақталас мемлекетаралық қатынастардың күрделілігі, жеңіс пен жеңіліс орын алмасқан әскери қақтығыстардың жиілігі, басым көшпенділік өмір салтының отырықшылықтың сілемдерімен, белгілі бір мөлшерде қалалардың орналасуымен астасып жатуы, керуен сауда жолдарының болуы, XV-XVIII ғғ. Қазақ қоғамы өмірінің басқа да сипаттамалары, мақалада дәлелді көрсетілгеніндей, синергетикалық бейсызықтық жүйенің анықтамаларына әбден сай келеді екен.

Түйінді сөздер: Қазақтың дәстүрлі мәдениеті, мәдениет динамикасы, көшпелі өмір салты, дәстүрлер мен инновациялар, хаос және тәртіп, өзін-өзі ұйымдасстыру, синергетикалық әдіснама, мәдени құндылықтар.

В статье предпринята попытка осмыслить историю становления и развития казахского традиционного общества и его культуру с помощью применения синергетической методологии анализа социокультурных процессов. Автор считает возможным на этом пути осветить по-новому некоторые дискуссионные вопросы социально-исторической динамики казахского культурно-цивилизационного бытия. В то же время он учитывает и возможные при

таком подходе ошибки, связанные с неправовым применением синергетических представлений, чисто внешним их наложением на исследуемый материал, чреватых редукционистскими последствиями. Поэтому в первую очередь он стремится обосновать применимость синергетической методологии к анализу социально-исторической динамики казахской культуры как сложной самоорганизующейся открытой системы со множественным параметров связи, где хаос и порядок постоянно меняются местами. Огромная территория, кочевой образ жизни, своеобразие пространственно-временных связей, суровые природно-климатические условия, трудности скотоводческого хозяйствования, противоречия внутренних межродовых и межжезузовских, а также внешних далеко недружественных межгосударственных отношений, череда всевозможных военных столкновений, где победы сменялись поражениями, определенное сочетание кочевого уклада жизни как ведущей формы социально-экономической жизни с жизнью оседлой части населения, с наличием определенного числа городов, наличие торговых караванных путей и многие другие характеристики общественной жизни казахов в XV-XVIII вв. вполне подпадают под определение синергетической системы, как это показано в статье, при анализе дискуссионных моментов истории и культуры страны.

Ключевые слова: Казахская традиционная культура, динамика культуры, кочевой образ жизни, традиции и инновации, хаос и порядок, самоорганизация, синергетическая методология, культурные ценности.

The article is an attempt to comprehend the history of the formation and development of the Kazakh traditional society and its culture using the synergetic methodology for analyzing socio-cultural processes. The authors consider it possible on this path to respond in a new way to some of the controversial issues of the socio-historical dynamics of Kazakh cultural and civilizational being. And also, author takes into account the errors that are possible with such an approach due to the incorrect use of synergetic ideas, their purely external imposition on the material under study, which is fraught with reductionist consequences. That's why, first of all, he tries to substantiate the applicability of the synergetic methodology to the analysis of the socio-historical dynamics of Kazakh culture as a complex self-organizing open system with a variety of communication pa-

rameters, where chaos and order are constantly changing places each other. Huge territory, nomadic lifestyle, originality of spatial – temporal ties, harsh climatic conditions, difficulties of cattle breeding, internal intergeneric and inter-university, as well as external unfriendly intergovernmental relations, a series of all kinds of military clashes, where victories were replaced by injuries, a certain combination of nomadic way life as a leading form of social and economic life with the life of a settled part of the population, with the presence of a certain number of cities, the presence of trading caravan routes and many characteristics of the public life of the Kazakhs in the XV-XVIII centuries. It fits the definition of a synergistic system, as shown in the article.

Key words: *Kazakh traditional culture, culture dynamics, nomadic way of life, traditions and innovations, chaos and order, self-organization, synergetic methodology, cultural values.*

Культура представляет собой сложное социально-историческое явление со множеством взаимодействующих аспектов и сторон, которые в совокупности образуют некую нелинейную открытую систему со своими вполне определенными характеристиками и закономерностями, для постижения которых синергетический подход, как предполагают некоторые ученые (философы, историки, культурологи), может дать развитый понятийный аппарат, с помощью которого вполне возможно расшифровать ход ее социально-исторической динамики. Попытки приложения синергетических понятий и представлений для осмысления эволюции сложных социальных явлений предпринимаются, как известно, с 80-х годов XX в. и имеют ныне тенденцию к концептуальному оформлению в лице социальной синергетики, а также синергетической философии истории, синергетической культурологии и т.д. [1,2,3,4,5]. В данной статье мы предпринимаем попытку лишь обозначить возможные контуры синергетического осмысления динамики казахской культуры в отдельные периоды ее реального исторического бытия. Отсюда и ее название («синергийные мотивы»), предполагающее весьма осторожное и деликатное отношение как к предмету исследования («социально-историческая динамика казахской культуры»), так и к синергетической методологии исследования, так как адекватность предмета и метода исследования является важнейшим требованием, строгое соблюдение которого предполагается как бы изначально. В данном случае учитывается то обстоятельство, что синергетический подход к изучению закономерностей поведения социальных систем все еще проходит свой период становления и испытания временем. Мы этим самым хотели бы избежать редуционистской по сути схематичности попыток наложения извне готового понятийного инструментария на изучаемый предмет, т.е. на историю становления и развития казахской культуры.

История казахской культуры уходит влуть веков на многие тысячелетия (некоторые историки и культурологи насчитывают 6-8 и более тысячелетий; более реальным является срок до трех тысячелетий) и, абстрактно говоря, она якобы совечна со всей историей мировой культуры. Рассуждения при этом строясь таким образом, что в конце концов мы вынуждены будем признать Адама и Еву первоказахами: казахская культура представляет одну из ветвей общетюркской, корни которой уходят в гуннский, затем сакский, а далее в еще более глубокие пласты общечеловеческой культуры и, при таком абстрактном и бездоказательном подходе конца и края этим поползновениям не будет. И тогда вполне можно прийти к выводу о том, что казахский народ является одним из самых древних поселенцев Земли и сотворцом первичной земной цивилизации, простирающейся по сей день. Вот и получается та желаемая вечность: вечный народ, вечная культура и «Вечная страна» («Мәңгілік ел»). Конечно, возможны и иные смыслы концепта «вечности» применительно к культурно-исторической и государственно-политической тематике, но во многом культивируется в сознании народных масс тот исходный, на первый взгляд вполне естественный, смысл о совечности, что абсурдно и является плодом абстрактного историзма.

В качестве отправной точки нашего исследования мы принимаем исторически исходный пункт существования казахской государственности – образование в середине XV в. Казахского ханства под водительством ханов Керей и Жанибека. Это было событие неординарное, которое вполне можно описать в синергетических терминах: хаос, порядок, бифуркация, самоорганизация, диссипативная система и т.д. Тогда-то и начало складываться казахское общество как социокультурная система со всеми атрибутами, необходимыми для его нормального функционирования. Это, можно сказать, сложный противоречивый самоорганизационный процесс, где имеет место неоднозначное взаимодействие этого становящегося общественного организма с окружающей средой, под которой понимается не только и не столько природная среда (Дешт-и-Кипчакские степи), а, главным образом, те государственные образования, которые окружали территорию Белой Орды и с которыми Казахское ханство поддерживало тесные межгосударственные связи и отношения, имевшие неустойчивый характер, довольно часто принимавшие форму военных столкновений, затягивавшихся иногда на десятки и сотни лет, то потухая, то вспыхивая вновь [6]. Так, казахские ханы и батыры отвоевывали и отстаивали свои земли, простирающиеся от Алтая до Волги.

Касаясь вопроса о периодизации истории Казахстана, следует все же заметить, что она, эта история, безусловно простирается на тысячелетия и, абстрактно говоря, вполне можно утверждать о древности казахского народа, и в этих утверждениях есть определенный смысл. Но научный подход требует конкретности: истина, как известно, всегда конкретна. Ведь история где-то и когда-то начинается и длится до тех пор, пока субъект истории продолжает действовать и творить ее. Следовательно, есть вполне определенная мера длительности любых исторических событий. Мы считаем, что следует постигнуть и соблюсти эту меру, иначе можно глагольствовать о том, чего еще нет или о том, чего уже нет, т.е. впустую, беспредметно, вхолостую, как говорится. Философская категория меры, как единства качества и количества, должна нам помочь при обсуждении данного вопроса. Казахская государственность, как и все, что когда-нибудь возникает, проходит период становления. Поэтому, как нам кажется, весьма полезным будет различение периода ее становления, т.е. предистории, и собственно истории, когда она вот уже есть, бытийствует. Так именно поступает известный философ М.С. Орынбеков, когда речь идет об истории казахской философии, различая предфилософию протоказахов и собственно ставшую уже казахскую философию, в которой можно обозначать периоды истории ее дальнейшего развития на своей собственной основе [7]. Конечно, и предистория не может быть безмерной и длиться т.с. «до скончания веков вековечных», но осознание того, что нечто должно сначала родиться, появиться на свет, т.е. обрести реальное бытие, пройдя этап своего становления, всегда будет удерживать исследователя от излишнего погружения в необозримую даль летописи событий.

За годы правления казахских ханов в период XV-XVIII веков казахское общество, пройдя сквозь тернии как внутренних, так и внешних столкновений, имевших довольно часто беспорядочный, можно сказать, хаотичный характер, обретает постепенно черты традиционного общества со своими правилами и нормами социального поведения, которые в XVII в. обрели форму «Жеты-Жаргы» Тауке-хана. Деление казахского общества на три жуза тоже имеет социально-исторический смысл, напоминающий действие законов самоорганизации. Число этих жузов равно трем, хотя родов и племен сотни и тысячи, а количество населения исчисляется миллионами (ныне на планете Земля обитают около 20 миллионов казахов, из них в самом Казахстане – около 12 миллионов, а число жузов не меняется). Никто из исследователей историков не может объяснить: почему три, а скажем, не 5 или 7? Это сакральное число 3 применительно к

делению казахов на жузы конечно же имеет социально-историческое происхождение, но точного и беспрекословного объяснения ему не дано, хотя попыток предпринималось множество. Мы считаем, что оно имеет синергетическое обоснование: так оно сложилось благодаря переходам порядка в хаос и, наоборот, хаоса в порядок, что соотнобразуется тем качественно-количественным параметрам (территории, населения, условий быта кочевой жизни, социально-исторических событийных рядов внутреннего и внешнего происхождения и т.д. и т.п., которые имели, можно сказать, стохастический отблеск) тогдашней смешанной кочево-оседлой жизни.

Здесь-то мы сталкиваемся со сложившимся в литературе устойчивым мнением о том, что казахскому обществу исторически присущ чисто кочевой образ жизни. Это мнение многократно опровергалось как учеными – историками, так и философами, культурологами, этнологами и т.д., но оно имеет тем не менее устойчивый, можно сказать даже, безоговорочный характер. Кочевники и кочевой образ жизни при этом представляется чем-то, не имеющим пространственно-временных, социально-хозяйственных и иных ограничений, чем-то, зависящим только от воли и желания самого кочевника: что захотел, то и сотворил, куда захотел, туда и ступил. Не учитывается, что казахские степи были усеяны множеством больших и малых городов и городищ, являвшихся центрами культурно-торговых связей и отношений. Кроме того, строго соблюдались собственные правила кочевости, связанные с пространственно-временными ограничениями, обусловленными необходимостью учета времени года, границ соседних пастбищ и т.д. Безусловно, кочевой стиль жизни был определяющим и приоритетным, но он был многими нитями связан с жизнью оседлой, городской, поселенческой, что говорит в пользу смешанного, кочево-оседлого образа жизни степняков. И здесь, пожалуй, можно прибегнуть к синергетическим рассуждениям, чтобы показать определенное закономерное соответствие между параметрами кочевости и оседлости, имевшее место в казахских степях, их взаимную соразмерность: величие степных просторов как бы сокрывало собою наличие десятков городов и городищ, рассыпанных неравномерно, главным образом по жизненно-важным артериям казахской степи (вдоль Шелкового пути, крупных рек и озер, горных ущелий) [8]. Количественно-качественные показатели городских поселений находились на достаточно высоком уровне развития, чтобы удовлетворить потребности этой смешанной формы жизни на данной территории, что также определялось в конечном счете загадочным соотношением

порядка и хаоса, традиций и инноваций, многообразия социокультурных форм и их инновационного содержания. Кочевость и оседлость в казахской степи по-своему дополняли друг друга так, чтобы создать здесь необходимые условия для полноценного жизнебытия казахского общества, для раскрытия творческого потенциала национальной культуры, воплощенного в богатстве артефактов материальной и духовной культуры, которыми полны «кладовые» Великой Степи. Результаты их изучения археологами, этнологами, этнографами, антропологами и искусствоведами поражают воображение, настолько они причудливы и разнообразны [9].

Еще один вопрос, касающийся природы религиозной веры казахов, их духовно-нравственных ценностей, до сих пор иногда вызывает споры: мол, казахи раньше верили в Тенгри, именно тенгрианство является исходной, а, следовательно, по-настоящему родной, исторически определяющей формой их верований, а ислам якобы является верой насильно навязанной, не присущей им, неродной, арабизированной. Отсюда иногда следуют призывы вернуться назад, отказаться от ислама, воссоздать тенгрианские традиции в чистом виде. Однако дело заключается, на наш взгляд, в том, что уже в XIV в. ислам был фактически принят во всех тюркских государствах, где правила потомки Чингисхана, и с этим приходится считаться, так как речь идет о культурно-цивилизационном повороте, необходимость которого назревала по многим (экономическим, социально-политическим, духовно-нравственным) причинам. Фактически этот поворот был предвестником инновационных государственно-политических преобразований, приведших к созданию Казахского ханства в середине XV в. Зародилось новое государство с новым мировоззрением, где достигнут своеобразный синтез тенгрианства с исламом при ведущей роли последнего. Так велело историческое время и возврата назад нет и быть не может. Синергический счет времени не имеет хода назад, и с этим волей-неволей приходится мириться...

Появление Казахского ханства на огромной территории Дешт-и-Кипчака, нового государства со

своей идеологией, со своими государственно-правовыми уложениями [10], означало приход нового порядка, подчинявшего себе хаотическое течение разнородных событий и в то же время внесшего элементы нового хаоса в окружающую среду, в жизнь соседних государственных, социально-политических образований, которые были вынуждены считаться с ним, перестраиваться, налаживать контакты, решать не всегда удобные вопросы добрососедства, пограничных и иных проблем, возникающих неизбежно.

Таковы некоторые синергические мотивы применительно к начальному этапу истории Казахского ханства. Синергический подход, не затрагивая сути и содержания социально-политических, социокультурных, этнонациональных процессов, помогает обнаруживать некие закономерности, объяснение которых обычными путями иногда вызывает непреодолимые трудности.

Литература:

1. Бранский В.П. Теоретические основы социальной синергетики // Вопросы философии. - 2000. - №4.
2. Бранский В.П. и др. Глобальное развитие человечества с позицией синергической философии истории // Вопросы философии. - 2017. - №5.
3. Зекрист Р.И. Человек и культура: от хаоса к порядку // Россия и Запад: диалог культур. - М., 2002.
4. Синергическая философия истории. - Рязань, 2009.
5. Абаев Н.В. Парадигма самоорганизации в тенгрианско-буддийской номадической цивилизации внутренней Азии. - Кызыл: Изд. ТывГУ, 2011.
6. Кляшторный С.Г., Султанов Г.И. «Казахстан. Летопись трех тысячелетий». Алмата: «Рауан», 1992. - С. 261-312.
7. Орынбеков М.С. Предфилософия протоказаов. - Алматы: «Өлке», 1994.
8. Қинаятұлы З. Шыңғыс хан және қазақ мемлекеті. - Алматы, 2010. - 690-б.
9. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Т.1. - Алмата: Өнер, 1986; Т2.; 1987; Т.3. 1994.
10. Зиманов С.З. Обзорение и особенности законодательной деятельности казахских ханов // Зиманов С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т.10. - Алматы, 2009. - С. 89-120.

Рецензент: д.филос.н., профессор Кусаинов Д.У.